

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

УДК 342.7+342.56

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД СУБЪЕКТОВ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. Г. Кузьмин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Краткий анализ эволюции подходов к пониманию судебной власти демонстрирует зависимость ее содержания от этапов и потребностей исторического развития, характера государственных и общественных преобразований. Рассматривается трактовка судебной власти, фактически отождествляемой с административной деятельностью правящей элиты и направленной на обеспечение устойчивости монархического правления в дореволюционной России. Констатируются сохранение политической обусловленности деятельности судебной системы в «советский» период развития и наличие ее качественных изменений после принятия Конституции Российской Федерации. Обосновывается необходимость исследования феномена судебной власти с позиций комплексного подхода, включающего, помимо функционального и институционального компонентов, изучение ее значения для становления и развития российского конституционализма.

Ключевые слова: конституционная концепция судебной власти, конституционализм, правосудие, конституционность процессуальной деятельности.

Говоря о понятии «судебная власть», следует признать, что оно не относится к числу понятий, недостаточно исследованных современной юридической наукой. Вместе с тем необходимо отметить и то обстоятельство, что суждения и выводы о сущности и функциях судебной власти до настоящего времени носят неоднозначный, противоречивый характер. Это обуславливает потребность дальнейшего исследования указанного правового явления, уточнения в процессе этого исследования юридической аргументации, используемой для обоснования тех или иных утверждений, формирования новых методологических подходов к пониманию значимости судебной власти как важнейшего правового феномена.

Обращение к эволюции понятия судебной власти позволяет утверждать, что в целом оно отражает сущность исторических преобразований государства и общества. Так, в России XIX века представление о сущности судебной власти соответствовало характеру сложивше-

гося полицейского государства, практически отождествляясь с административной деятельностью правящей элиты, направленной на обеспечение единовластия монарха.

Указанный подход свойственен и более поздним периодам развития российского общества: в частности, в начале XX века Н. А. Захаров заметил, что «вопрос о судебной власти достаточно ясен, ибо ее главой повсюду считается монарх, осуществляющий судебную власть через специальные учреждения в установленном законом порядке» [5, с. 170]. Менее категорично по этому поводу высказывался его современник С. И. Викторский, полагавший, что судебной власти присуща внешняя независимость, находящая выражение в самостоятельности по ограждению личности от различных посягательств на ее свободу; при этом объем прав, предоставленных судебной власти, определяется совершенством политического строя государства, чувством личного достоинства его граждан и степенью завоеванной ими политической сво-

боды. Однако, с точки зрения этого ученого-процессуалиста, судебной власти не была свойственна полная независимость в принятии решений, поскольку ее существование представляло собой своеобразную форму милости монарха по делегированию соответствующих полномочий [2, с. 84–88].

Между тем, как полагает П. Д. Баренбойм, независимость судебной власти от власти монарха подчеркивалась уже в Библии много столетий назад. «Авторы Библии в «Книге Судей», – пишет ученый, – сформулировали важнейший доктринальный тезис о божественном происхождении судебной власти и ее независимости от царя. Божественное происхождение царской власти было важнейшим и идеологически доктринальным обоснованием монархической власти в течение многих десятков веков и вспоминалось в связи с этим в тысячу раз чаще, чем такое же происхождение судебной власти» [1, с. 13].

Дефицит теоретических исследований, предметом которых являлся бы многоаспектный характер судебной власти, во многом объяснялся отсутствием условий для эффективного развития науки государственного права. В. М. Гессен обоснованно отмечал: «До тех пор, пока монарх может сказать о себе: «Государство – это я», науке государственного права нет и не может быть места». В связи с этим «важнейшие отношения между гражданами и властью, регулируемые... объективными нормами права, в государствах старого режима определяются ничем не сдерживаемым усмотрением и произволом верховной и подчиненной властей» [14, с. 53].

Подход, в соответствии с которым судебная власть воспринималась в качестве составного элемента единого административного механизма государства, сохранялся достаточно длительное время и после октябрьских событий 1917 года. При этом исследование общетеоретических аспектов деятельности судебной власти в большинстве случаев сводилось к функции рассмотрения уголовных и гражданских дел и соответственно роли судебных органов в этом процессе. Нередко суждения о содержании судебной деятельности носили выраженный политический характер: в частности, высказывалось утверждение о том, что суд в любом государстве представляет собой орган управления, главной задачей которого является «проведение политики господствующего класса по укреплению и защи-

те основ его политического и экономического господства» [3, с. 22].

На протяжении XX столетия феномен судебной власти также не получил однозначного выражения в каком-либо концептуальном подходе. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что во многих исследованиях «советского» периода развития понимание судебной власти сводилось к деятельности государства, предметом которой является рассмотрение и разрешение судами дел в порядке гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства. При этом, как подчеркивают многие исследователи, функции судебной власти продолжали характеризоваться значительной политизированностью вследствие партийного контроля над деятельностью судов [9, с. 13]. Кроме того, акцентирование внимания на обеспечении применения судебных актов применением мер государственного принуждения привело к тому, что судебная власть стала восприниматься в качестве репрессивного элемента государственного механизма, направленного преимущественно на поддержание правопорядка. В связи с этим, как замечает Н. А. Колоколов, до настоящего времени многими гражданами суд «воспринимается как карательный орган» [7, с. 64].

А. А. Малюшин замечает, что переломным моментом, с которого «судебная власть была провозглашена самостоятельной и независимой ветвью», явилось осуществление судебной реформы в начале 90-х гг. прошлого века. В Конституции Российской Федерации были закреплены основополагающие признаки судебной власти, определены ее задачи и формы реализации, а также компетенция судебных органов [9, с. 13–14]. Начиная с указанного момента, в юридической доктрине и практике формируются качественно новые представления о сущности, функциях и назначении судебной власти. Однако следует отметить, что различие подходов, базирующихся на функциональных (правомочия) и институциональных (система судебных органов) основаниях, каждое из которых в отдельности не может обеспечить комплексность понимания рассматриваемого феномена, сохраняется.

В частности, С. А. Рагозина констатирует, что на протяжении длительного периода развития система судебных органов рассматривалась не с позиции понятия судебной власти,

а с точки зрения организации судебной деятельности [10, с. 53]. Другие исследователи склонны позиционировать судебную власть как «материальный носитель» функции по осуществлению правосудия. Так, Н. А. Колоколов отмечает, что судебная власть представляет собой институализацию «ожидания обществом того, что возникшим социальным конфликтам, их разрешению в соответствии с законами и на их основе будет уделено достойное внимание», в связи с чем рассматривает ее в качестве принятой определенной человеческой общностью процессуально-правовой парадигмы поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов [6, с. 22]. Ю. А. Дмитриев и Г. Г. Черемных характеризуют судебную власть как систему государственных органов, наделенных предусмотренными законом властными полномочиями, «направленными на установление истины, восстановление справедливости и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются» [4, с. 48].

Между тем, в отличие от ранее принятых представлений о функции судебной власти исключительно как средстве разрешения социальных конфликтов, современная доктрина конституционализма отводит ей гораздо более значительную роль. Она, как обоснованно отмечается во многих теоретических работах, заключается в обеспечении единства нормативной и фактической реализации Основного закона во всех сферах деятельности государства и общества, правовой охраны Конституции РФ посредством осуществления судебного нормоконтроля, обеспечения верховенства права, приоритета и прямого действия конституционных норм. По мнению ряда исследователей, можно утверждать, что судебная власть, разрешая конфликты между личностью и государственными органами, приобретает своеобразный приоритет перед исполнительной и законодательной властью. Это находит выражение в возможности дисквалификации на основании обращения граждан за судебной защитой действий и актов законодательной и исполнительной власти: таким образом, судебная власть «выполняет особую государственно значимую роль, которая заключается в том, что ее властные полномочия понуждают другие ветви к ограничению своей деятельности правом» [12, с. 27–28]. Указанный подход не свойственен исключительно

но российской юридической доктрине: в частности, тезис о расширении функций судебной власти, не исчерпывающихся на современном этапе развития исключительно применением законов, сформулирован и в монографии А. Шайо, который акцентирует внимание, в частности, на возможности судов оказывать существенное влияние на развитие законодательства [15, с. 12–24].

В. И. Крусс справедливо замечает, что, в отличие от безусловной обязанности признавать и соблюдать права человека, которая присуща не только государству, но и всем субъектам гражданского общества и их объединениям, независимо от статуса и организационно-правовой формы последних, обязанность защиты указанных прав адресована государству в лице судебной власти. В тех случаях, когда субъекты правовых отношений не согласны с решениями и действиями (бездействием) публично-властных органов либо имеют место конкурирующие и встречные притязания участников конституционного правопользования, защита нарушенных прав основывается на правомерном установлении юридических фактов недопустимого и (или) неправильного «публично-властного реагирования либо позиционирования субъектов правопользования по отношению к своим контрагентам». Таким образом, защита того или иного права в юридическом конфликте базируется на правовой дисквалификации одних деяний и притязаний и подтверждении состоятельности других. В этом контексте судебное решение представляет собой, в первую очередь, акт такой дисквалификации (негативной правосудной оценки), и лишь затем – признание «справедливости (конституционности) требований, субъективных прав, интересов заявителей, конкретизации меры и способов их деятельной властной поддержки». При этом, – что является крайне важным, – установление правомерности тех или иных притязаний и преодоление конфликтов интересов могут осуществляться «исключительно посредством механизмов (норм и процедур), имеющих достоверно конституционный характер» [8, с. 79–80].

Основываясь на таком подходе, можно утверждать, что судебная власть выступает в качестве источника правосудного опосредования прав и свобод субъектов правовых отношений. Это свойство, определяющее «качественную специфику» судебной власти, дол-

жно находить отражение в ее определениях. В частности, представляется достаточно полной характеристика судебной власти, предлагаемая С. А. Рагозиной, как установленной Конституцией самостоятельной ветви единой государственной власти, реализуемой от имени государства специально созданными государственными органами – судами, «наделенными законом компетенцией по рассмотрению и разрешению правовых споров и дел и выполнению других возложенных на них задач в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан государства и организаций, действующими в особых процессуальных формах и обладающими правом принимать решения, имеющие обязательный характер на всей территории государства» [10, с. 16]. Однако думается, что данный подход, как и ряд других, акцентирующих внимание преимущественно на организации и функциях судебной системы, приводит к недооценке роли судебной власти в формировании и развитии российского конституционализма.

Неоднократно отмечалось, что правосудие и судебная защита неотделимы от законности и конституционности процессуальной деятельности, поскольку результат судебной защиты не может быть достигнут «посредством процесса, игнорирующего конституционные положения» [11, с. 32]. Однако достижение целей судебной власти, безусловно, реализуется не только посредством соблюдения всех установленных законом требований к процессу. Оно осуществляется также посредством сопоставления и оценки природы и содержания конфликтующих интересов с позиции системы конституционных ценностей, и эта деятельность обуславливает значительную специфику судебной власти как одного из видов государственной власти. Она связана с тем, что правосудное опосредование прав и свобод субъектов правовых отношений требует подробного доктринального анализа сущности юридических категорий, их содержания применительно к рассматриваемой правовой ситуации, анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и единого конституционно-правового подхода к признанию системы ценностей и принципов обеспечения их баланса. Таким образом, как обоснованно отмечает Г. А. Гаджиев, суды участвуют в процессе объективирования правовой реальности, способствуя установлению содержания конкретных прав и свобод, сущность которых проявляется постепенно, «как

изображение на фотобумаге» [13]. Представляется, что указанное качество должно рассматриваться в качестве одного из важнейших признаков, определяющих сущность судебной власти и образующих одну из основ ее конституционной концепции.

Литература

1. Баренбойм, П. Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера: учебное пособие / П. Д. Боренбойм. – М.: Белые альвы, 1995. – 176 с.
2. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс: учебное пособие / С. И. Викторский. – М.: Городец, 1997. – 448 с.
3. Вышинский, А. Я. Курс уголовного процесса: учебник / А. Я. Вышинский. – М.: Советское законодательство, 1934. – Т. I. – 432 с.
4. Дмитриев, Ю. А. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека / Ю. А. Дмитриев, Г. Г. Черемных // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 44–50.
5. Захаров, Н. А. Система русской государственной власти / Н. А. Захаров. – М.: Издво Москва, 2002. – 400 с.
6. Колоколов, Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Колоколов. – М., 2007. – 52 с.
7. Павликов, С. Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и судебной деятельности в федеративном государстве / С. Г. Павликов, Н. А. Колоколов. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 312 с.
8. Крусс, В. И. Конституционализация правосудия и конституционно-правовые пределы непосредственной демократии в Российской Федерации // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 79–87.
9. Малюшин, А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики / А. А. Малюшин. – М.: Юрист, 2013. – 404 с.
10. Рагозина, С. А. Судебная власть в России и Казахстане: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Рагозина. – М., 2011. – 23 с.
11. Сахнова, Т. В. Гражданское процессуальное право России: перспективы развития / Т. В. Сахнова // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 31–37.
12. Белоусов, Д. В. Судебная защита в механизме гарантирования прав и свобод.

Конституционно-правовой аспект: монография / Д. В. Белоусов, Н. М. Чепурнова. – М.: ЮНИТИДАНА, 2010. – 167 с.

13. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: стенограмма Круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. –

2011. – № 3. – С. 1–29.

14. Хрестоматия по конституционному праву: учебное пособие. История, теория и методология конституционного права. Учение о конституции / сост. Н. А. Богданова, Д. Г. Шустров. – СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2012. – Т. I. – 858 с.

15. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М.: Юрист, 2001. – 167 с.

Кузьмин Андрей Георгиевич – судья, Арбитражный суд Челябинской области; кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и коммерческого права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: akuzmin@chelarbtr.ru.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2014 г.

*Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2014, vol. 14, no. 2, pp. 93–98*

DEFINITION OF JUDICIAL AUTHORITY CONCEPT IN THE CONTEXT OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS

A. G. Kuzmin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Brief analysis of evolution of approaches to define judicial authority shows dependence of its contents on the stages and requirements of historical development, nature of the state and public transformations. Judicial authority is actually identified to administration of the ruling elite and directed to ensure stability of monarchic board in pre-revolutionary Russia. Preservation of political conditionality of judicial system in the Soviet period of development and existence of its high-quality changes after adoption of the Constitution of the Russian Federation are stated. The necessity to analyze the phenomenon of judicial authority from a perspective of integrated approach, which includes not only functional and institutional components but the study of its importance for the formation and development of the Russian constitutionalism, is proved.

Keywords: constitutional concept of judicial authority; constitutionalism; justice; constitutionality of procedural activity.

References

1. Barenboym P. D. *3000 let doktriny razdeleniya vlastey. Sud S'yutera* [3000 years the doctrine of separation of powers . Court Suter]. Moscow, 1995, 28 p.
2. Viktorskiy S. I. *Russkiy ugovolnyy protsess: uchebnoe posobie*. [Russian Criminal Procedure]. Moscow, 1997, 448 p.
3. Vyshinskiy A. Ya. *Kurs ugovolnogo protsesssa: uchebnyk T. 1* [Course of criminal proceedings: the textbook. Vol.1]. Moscow, 1934, 432 p.
4. Dmitriev Yu. A., Cheremnykh G. G. [The judiciary in the mechanism of separation of powers and the protection of human rights and freedoms]. *State and Law [Legal order]*, 1997, no 8, pp. 44–50. (in Russ.)
5. Zakharov N. A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti* [Russian system of state power]. Moscow, 2002, 312 p.
6. Kolokolov N. A. *Sudebnaya vlast' kak obshchepравovoy fenomen: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk* [The judiciary as a general legal phenomenon. Author's abstract Diss. Dr. (Law)]. Moscow, 2007, 52 p.
7. Pavlikov S. G., Kolokolov N. A., *Teoriya sudebnykh sistem: osobennosti konstitutsionnogo regulirovaniya, sudebnogo stroitel'stva i sudebnoy deyatel'nosti v federativnom gosudarstve* [Theory judicial systems: especially constitutional regulation, judicial construction and judicial activities in a federal state]. Moscow, 2007, 312 p.
8. Kruss V. I. [Constitutionalization of justice and constitutional and legal limits of direct democracy in the Russian Federation]. *Russian Law Journal [Legal order]*, 2013, no. 3, pp. 79–87. (in Russ.)
9. Malyushin A. A. *Konstitutsionno-sudebnoe pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktiki* [Constitutional and judicial law-making in the Russian Federation: problems of theory and practice]. Moscow, 2013, 404 p.
10. Ragozina S. A. *Sudebnaya vlast' v Rossii i Kazakhstane: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial power in Russia and Kazakhstan. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2011, 23 p.
11. Sakhnova T. V. [Civil Procedural Law Russia]. *State and Law [Legal order]*, 1999, no.12, pp. 31–37. (in Russ.)
12. Belousov D. V., Chepurnova N. M. *Sudebnaya zashchita v mekhanizme garantirovaniya prav i svobod. Konstitutsionno-pravovoy aspekt* [Courting a mechanism to guarantee the rights and freedoms. Constitutional and legal aspect]. Moscow, 2010, 167 p.
13. [Judicial ("live") Constitutionalism: doctrine and practice. Roundtable transcript Department of State and Administrative Law at St. Petersburg State University (St. Petersburg , March 5, 2011)]. *Journal of constitutional justice. [Legal order]*, 2011, no.3, pp. 1–29. (in Russ.)
14. Bogdanova N. A., Shustrov D. G. *Khrestomatiya po konstitutsionnomu pravu. T. I: Istoriya, teoriya i metodologiya konstitutsionnogo prava. Uchenie o konstitutsii* [Readings on constitutional law . T. I: History, Theory and Methodology of constitutional law. Doctrine of the constitution]. Saint-Petersburg, 2012, 858 p.
15. Shayo A. *Samoogranichenie vlasti (kratkiy kurs konstitutsionalizma)* [Self-limitation of power, short course (constitutionalism)]. Moscow, 2001, 167 p.

Andrey Georgiyevich Kuzmin – Judge of Arbitration court of Chelyabinsk region, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Professor of Department of Enterprise and Commercial Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: akuzmin@chelarbitr.ru.

Received 18 February 2014.